

УДК 391:395(470.1/.2)

**ОБРУСЕНИЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПРОЦЕССА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)**

Пулькин М.В.

Статья посвящена проблемам обрусения как стихийного процесса, предшествующего государственной политике русификации. Выявлено, что обрусение становилось неизбежным феноменом, связанным с развитием экономики, урбанизацией, распространением православия, буржуазными реформами. Последствия обрусения связаны с изменениями не только в языковой сфере. Они коснулись традиционной обрядности, фольклорных сюжетов, архитектурных стилей. Процесс освоения элементов русской культуры представителями финно-угорских народов сопровождался существенными изменениями в культуре славянских переселенцев вследствие контактов с местными жителями.

Ключевые слова: карелы, коми, национальная политика, Христианство, Церковь, духовенство, крестьяне, архитектура, фольклор.

**RUSSIFICATION IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES:
THE SPECIFIC FEATURES OF THE PROCESS
(ON MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)**

Pulkin M.V.

The article deals with the problems of Russification as a natural process, prior to the state policy of Russification. It was revealed that it has become an unavoidable phenomenon associated with economic development, urbanization, the spread of Orthodoxy, and bourgeois reforms. Consequences of Russification are related to changes not only in the linguistic field. They also involved traditional rituals, folk stories, and architectural styles. The process of studying the elements of Russian culture by the representatives of Finno-Ugric Peoples was accompanied by

significant changes in the culture of Slavic immigrants through the contact with the locals.

Keywords: Karelia, Komi, national politics, Christianity, Church, clergy, peasants, architecture, folklore.

Процессы межэтнического взаимодействия остаются одним из наиболее актуальных и востребованных направлений исторических исследований. В то же время легко заметить относительно слабую разработанность основной терминологии в указанной сфере. В частности, непросто провести грань между *обрусением и русификацией*. Первый термин обозначает стихийные процессы, неизбежные при межэтнических контактах, а второй – целенаправленную деятельность системы органов власти, народного образования и Церкви. В обоих случаях мы имеем дело с заметным сглаживанием межэтнических различий, но при искусственном форсировании, использовании возможностей государства и социальном конструировании процесс протекает значительно быстрее и обретает более предсказуемые черты.

Цель данной статьи состоит в выявлении тех сфер повседневной жизни, где происходили процессы обрусения, а также факторов, способствующих стихийному преодолению различий между народами, населяющими Европейский Север России.

Контакты между финно-угорским населением и русскими всегда носили характер устойчивого сотрудничества. Обе стороны занимались выполнением наиболее свойственных им социально-экономических функций, получая преимущества от обмена навыками и результатами труда. Культурные связи карелов и русских сказались в усвоении народами друг у друга «технических навыков и методов хозяйствования, в проникновении предметов материальной культуры, развитии новых общественных форм и социальных отношений» [12, с. 66]. На севере переселенцев ожидал приятный сюрприз: «приспособленные к тяжелым походам в сложных условиях приарктических областей, коми передавали свой опыт русским колонистам» [1, с. 164]. В свою очередь,

процесс стихийного освоения русского языка народами Севера явно достигал определенных результатов уже к XVI в., при полном отсутствии системы народного образования. «В Устюжской области, – писал С. Герберштейн, – местное звероловческое население больше говорит по-русски, чем на своем языке» [6, с. 126–127].

Наличие длительных активных контактов с русскими не разрушало традиционную культуру обитателей северного края. В то же время крестьянская колонизация края нередко приводила к тому, что на Севере, прежде всего в бассейнах рек Двины, Ваги, Сухоны, Шексны, «происходила быстрая ассимиляция местного финно-угорского населения» [21, с. 117]. У одной из контактирующих сторон имелось явное преимущество. За русским населением стояла культура, в значительной мере заимствованная из Европы, что создавало существенные предпосылки для обрусения. Как пишет А. Панарин, «российский этнос основан на парадоксальном сочетании жертвенности и мессианизма (западноевропейский просвещенческий мессианизм никогда не был жертвенным – ему почти всегда сопутствовали колонизаторский эгоизм и высокомерие)» [19, с. 161]. Русская культура в пространстве Евразии преимущественно играла роль «культуры-донора, питающей энергией новации и модернизации» [19, с. 145]. Русский царь на протяжении веков рассматривался неславянским населением страны как «источник законности и справедливости, препятствие для всевластия и вседозволенности местных правителей» [26, с. 135]. В карельском фольклоре царь Петр сам стал карелом – «сыном Карьялы красивым» [18, с. 194].

Взаимодействие славянского и финно-угорского населения имеет длительную историю. Сложившаяся к началу изучаемого периода этническая карта Европейского Севера России стала результатом длительной эволюции. Завершение формирования севернорусского населения приходится на XV–XVII вв. В течение следующего исторического периода, в XVIII–XIX вв., «происходит стабилизация», возникает «устойчивая система структура севернорусского населения и его контактов с нерусскими соседями» [2, с. 60],

чему в значительной степени способствовали демографические особенности последних. Так, среди карелов «естественный прирост был понижен, а ассимиляционные процессы распространены» [8, с. 169]. Особенно заметными они стали в «районах изоляции отдельных групп от основных этнических массивов». Например, к XVIII в. полностью ассимилировались карелы, проживавшие в западной части Кольского полуострова [2, с. 60]. В конце XVIII в. бóльшая часть карелов проживала в Олонецкой губернии, где они составляли значительную часть жителей западных и северных уездов [9, с. 231].

В течение XIX в. ситуация менялась несущественным образом. Так, «для восточно-финских народов главным этническим результатом отмены крепостного права» и буржуазных реформ в России, стал «дальнейший рост их географической дисперсии», связанной с интенсивными поисками заработков за пределами мест проживания [15, с. 28]. Многие представители финно-угорских народов не знали крепостного права, и в новых экономических условиях их мобильность существенным образом возрастала. Миграции ускоряли этнокультурное сближение народов. Русские заимствования в карельском и вепском языках, лексика из саамского, карельского, вепского языков в русских говорах «есть лишь одно из свидетельств связей и культурных обменов между различными этносами» [12, с. 66]. Все карелы в изучаемый период проживали на одной и той же территории (преимущественно Архангельской и Олонецкой губерний) и не принимали заметного участия в миграционных процессах. Процессам ассимиляции в их среде особенно способствовали процессы урбанизации. Городские жители среди карелов даже к началу XX в. составляли 1,5%. Однако карелы часто отлучались на заработки в крупные города России, прежде всего, в Санкт-Петербург. Значительная часть карелов жила по месту своего рождения. В других губерниях – Новгородской, Петербургской, Тверской – численность карелов была значительно меньше, они проживали менее компактно и ассимиляционные процессы в их среде вполне закономерно развивались стремительнее.

Компактное проживание карелов создавало некоторый противовес обрусению, которое, несомненно, началось во времена Средневековья. Авторитетный исследователь демографических процессов В.М. Кабузан пришел к выводу о том, что «в 60–70 гг. XVII в. карелы проживали на гораздо большей территории, чем в 40-х годах XIX в.» [9, с. 232]. Это указывает, в первую очередь, отнюдь не на вытеснение коренного населения русскими, а на интенсивные ассимиляционные процессы в карельской среде. Но одновременно компактное размещение карелов на сравнительно небольшой территории, способствуя обрусению, создавало почву для целенаправленных русификаторских усилий: строительства «инородческих» школ и подготовки учителей и духовенства специально для карельского населения. Кроме того, со времен средневековья карелы оказались разобщенными на отдельные территориальные группы. Создание Олонецкой и Архангельской губерний еще более усилило изолированность отдельных этнических групп карельского народа. «Территориальное размежевание существенно сдерживало и ограничивало установление регулярных внутренних хозяйственных и иных связей, ведущих к усилению языкового единства, ослаблению культурно-бытовых различий» [12, с. 55].

Расселение коми-зырян и основные демографические процессы в их среде в изучаемый период несколько отличались от карельских показателей. Коми, как и карелы, расселялись на территориях огромных территориях ряда губерний, прежде всего Архангельской и Олонецкой. Наибольшее их число компактно проживало в Усть-Сысольском (примерно 90% населения) и Яренском (около 65% населения) уездах Вологодской губернии. В Архангельской губернии они сконцентрировались в смежном с Яренским Мезенском уезде, который являлся территорией, куда в XIX в. переселялись коми зыряне из Яренского и Усть-Сысольского уездов [9, с. 233]. В последнем их доля достигала 91% от общего числа жителей. В Архангельской губернии за период с V по X ревизию удельный вес коми-зырян поднялся с 3 до 4,48%, а к 1897 г. – до 6,71%. В Вологодской губернии зырян было примерно 8%, причем

отмечался постепенный рост их доли в общей численности населения (V ревизия – 7,95%, X – 8,28%, 1897 г. – 8,57%) [8, с. 173].

В конце XIX в. существенных изменений в численности и размещении представителей финно-угорских народов Европейского Севера не произошло. Судя по итогам переписи 1897 г., коми составляли абсолютное большинство населения на территории современной Республики Коми. Зырянский язык признавали родным 82936 жителей Усть-Сысольского уезда, 31592 Яренского уезда и 21971 Печорского уезда [20, с. 431; 3, с. 154-163]. В то же время русский язык здесь считали родным 7,62% населения. Скромные на первый взгляд цифры прироста населения дают исследователям демографических процессов основания для весьма оптимистических выводов. Эстонский географ Хено Сарв полагает, что к началу XX в. финно-угорские народы оказались в благоприятном положении: «несмотря на проводившуюся в конце прошлого века политику идеологической русификации, у многих из этих народов возникла ситуация, предшествующая демографическому взрыву» [23, с. 39]. Масштабные катастрофы и трагедии XX века помешали осуществлению столь замечательного сценария.

Однако в изучаемый период усиливалось стихийное проникновение русских в результате миграций и изменение этнического состава даже там, где прежде население оставалось однородным. К началу XIX в. процесс обрусения достиг таких масштабов, что царские власти переставали фиксировать некоторые народы отдельно, «включая всех говорящих на русском языке в состав русских» [8, с. 173]. Примером может служить Вологодская губерния. Население Череповецкого края, по описаниям исследователей конца XIX в. стало «уже “сплошь русским”, но следы чуди в типах, обычаях, речи, остались заметными» [21, с. 119]. Территории, где такого рода «статистические погрешности» становились возможными, расширялись за счет перемещений русского населения. Миграции приводили к образованию этнически смешанных структур расселения как на этнически однородных прежде территориях, так и вне их. К примеру, на рубеже XVIII-XIX вв. усилился

приток русских из Усть-Цильмы в район между устьями Цильмы и Ижмы [7, с. 299-300]. Но и в тех местностях, где имелось однородное в этническом отношении население, русское влияние проникало в опосредованной форме. Зачастую «познание молодым поколением карел многих явлений русской культуры происходило в своей этнической среде, а не в процессе новых контактов» [12, с. 78].

Краткое исследование демографических процессов показывает стихийно происходящие, но существенные трансформации в структуре населения, изменения его численности и размещения в изучаемый период, а также неизбежно сопровождающие их перемены в традиционной культуре. Демографический фактор (межэтнические браки, диспропорции численности народов) как полагают современные исследователи, «содействовал сближению народов». Ведь «любой этнос в окружении иного многочисленного этноса неизбежно “поглощается” численно и культурно превосходящим народом» [6, с. 119]. Финский исследователь Сеппо Лаллукка высказывался более определенно: «Рано или поздно, по мере наступления русских, каждый из восточно-финских народов был сведен к меньшинству на своей исконной земле» [15, с. 12], что не в последнюю очередь связано с постоянными межэтническими контактами. Они оказывали влияние не только на демографические показатели, причем их роль в формировании этнической карты Европейского Севера России постепенно возрастала. Не менее существенным и нарастающим со временем изменениям подверглась традиционная культура «инородцев».

Создавшееся в сфере межэтнических контактов положение стало результатом действия ряда факторов. Выдающуюся роль в их числе играл политический режим: «объединяющей конструкцией пестрого конгломерата территорий и сообществ служила лояльность по отношению к царю и правящей династии» [11, с. 86]. Ощущение общего подданства, принадлежности, пусть зачастую и формальной, к Православной Церкви, многовековые традиции совместного мирного проживания играли существенную роль в процессах

дальнейшего сближения «инородческого» и славянского населения. Обрусение теснейшим образом связано с социально-экономическими условиями, в которых независимо от национальности оказалось население Европейского Севера России. Так, в Олонецкой губернии центры внутренней и внешней торговли (Шуньга, Повенец, Сумской Посад, Соловецкий монастырь и ряд других менее крупных центров), всегда связанной с интенсивными контактами разных типов, размещались вне ареала расселения основных групп карелов или в полосе этнических границ [12, с. 53].

Экономика создавала существенные предпосылки для контактов между русским и карельским населением. Ее развитие приводило к тому, что знание русского языка становилось обязательным условием коммерческого успеха. В небольших городах обрусение продвигалось более быстрыми, чем в сельской местности, темпами. Существует общая закономерность, согласно которой «представители так называемых крестьянских народов, если они попадали в город и получали там возможность социального выдвижения, в сильной мере попадали под воздействие господствующей этнической группы» [11, с. 86]. Латыши и эстонцы «онемечивались» (германизировались), литовцы, белорусы «ополячивались» (полонизировались) или становились обрусевшими (русифицировались). Такая же судьба в большинстве случаев ждала и тех представителей финно-угорских народов Европейского Севера, которые в поисках лучшей доли переезжали в города.

Проникновение русской лексики в карельский язык происходило и благодаря особенностям духовной жизни карел. Посещение православной церкви, приходских начальных школ, повседневные потребности общения с местной администрацией настоятельно требовали освоения русского языка. Заметную роль в процессах межэтнического взаимодействия играло духовенство, создавая переводы Священного Писания и иных необходимых для пастырской деятельности книг на карельский и коми языки, способствуя тем самым сохранению языков и формированию национальной интеллигенции. Все формы влияния русского языка на «инородческие» диалекты не могли остаться

бесследными. Оценивая воздействие русского языка на языки всех прибалтийско-финских народов, авторитетный лингвист Д.В. Бубрих писал: «Влияние восточнославянской речи в относительно восточных местностях оказалось не только широко, но и чрезвычайно глубоко: оно перестроило всю структуру речи от фонетики до синтаксиса» [4, с. 22]. В то же время языки прибалтийско-финских народов оказали существенное влияние на русский язык. В его северных диалектах специалисты обнаруживают многочисленные заимствования из карельского, вепсского и саамского языков [22, с. 23-56].

Важную роль в процессах межэтнического взаимодействия отводится приходу – моноконфессиональному союзу, все представители которого объединены литургической деятельностью под руководством душепастыря. Со времени своего появления в населенных неславянскими народами территориях приход стал важным средством распространения русской культуры. Основные закономерности деятельности приходских общин проявлялись как на территориях с «инородческим», так и с русским населением. Становление приходской системы являлось важным фактором этнической консолидации. Так, вепсы в новгородское время были разведены по многочисленным вотчинам бояр и монастырей. В XVI – начале XVII в. наблюдается их энергичная консолидация вокруг собственных церквей. Приход выполнял двойную роль: внося русские, по сути православные, ценности в жизнь разных этнических групп населения Европейского Севера, он одновременно способствовал этнической консолидации карелов, вепсов, созданию у них чувства общности в окружении славянского населения.

Однако межкультурное взаимодействие русских и карелов в религиозной сфере оставалось существенно ограниченным. Отдельные территории, прежде всего Северная (так называемая Беломорская) Карелия находились практически полностью за рамками межэтнических контактов. Помог Соловецкий монастырь. В XVII – начале XVIII в. братия православной обители построила ряд церквей на побережье Белого моря. Появились Кемский, Сумский и Керетский приходы. Новый всплеск формирования приходов связан с

привлечением средств петербургских купцов-благотворителей и расходами казны. В 1840-х гг. возникли Кестенгский, Ковдский, Маслозерский, Тунгудский, Ухтинский, Юшкозерский приходы. Сохранились сведения о финансировании строительства храмов в 13-ти приходах. В семи из них церкви построены на средства Санкт-Петербургских купцов, четыре храма возведены по распоряжению Синода за казенный счет, лишь две церкви построены прихожанами самостоятельно [14, с. 3-47].

С существованием приходов связаны традиции в архитектурной сфере. Как показывают новейшие исследования, имело место как обрусение, следование русским образцам, так и усиление этнического своеобразия. В Сямозерье, в пределах ареала проживания северных ливвиков, «усиление русских влияний к рубежу XIX-XX в. привело не к ассимиляции, а к обострению этнического своеобразия традиционной культуры, что убедительно отразилось в народном храмостроительстве» [17, с. 106]. В то же время для карелов-людиков стал характерным «русский» прием трактовки культовых построек «как композиционных доминант поселений, расположенных в центре». Прежде для карелов была типична «периферийная постановка таких акцентов» [17, с. 98]. Русское влияние проникало и в такую, казалось, консервативную сферу духовной жизни, как фольклор. Известно, что «заимствование южными группами карелов огромного количества русского сказочного материала привело к тому, что карельская сказка значительно “обрусела” и русская традиция сказывается как в подборе сюжетов, так и в языке» [12, с. 74]. Аналогичные процессы отмечаются и в других жанрах устного народного творчества [24, с. 31-32]. Оценивая воздействие русской культуры на карельскую сказку, У.С. Конкка пишет, что оно «способствовало утрате яркости и броскости национальных особенностей в фольклорных образах южных карел». У северных карел русское влияние на сказочные сюжеты проявилось менее ощутимо, процесс утраты этнического колорита у них шел медленнее, но и здесь этническая специфика сильно поблекла [13, с. 17, 53, 144]. Заимствование южными группами карел огромного количества

русского сказочного материала привело к тому, что карельская сказка значительно «обрусела»: русская традиция проявилась как в подборе сюжетов, так и в языке [12, с. 74].

Значительным оказалось влияние русских и в обрядовой жизни карелов. Так, по данным Ю.Ю. Сурхаско, славянское влияние усиливалось «в ходе дальнейшей эволюции карельской свадьбы». Происходило постепенное усложнение ритуала и обогащение состава обрядности «в основном за счет элементов, заимствованных из русской свадьбы или возникших под ее воздействием» [25, с. 261]. Русское влияние оказалось разносторонним, оно «сказывалось не только на ритуальном поведении карельского крестьянства, но и на его этических нормах» [25, с. 262], проникало и привносило существенные изменения в «демонстративно-символическую структуру карельского свадебного ритуала». Изменения коснулись состава свадебных чинов. Для обозначения жениха и невесты начали использоваться русские термины [25, с. 261]. Заметным образом на порядке вступления в брак отразилось влияние неустанной проповеди православного духовенства. Постепенно венчание в православном храме стало рассматриваться как неотъемлемый элемент свадебного обряда [25, с. 264].

Материальная культура также претерпевала существенные изменения, связанные с межэтническими контактами. Суровые природные условия неизбежно диктовали сходный облик народного костюма. Как писал известный публицист В. Майнов, «может быть, когда-нибудь и чурался кореляк от одежды русской и носил свою народную, да, во всяком случае, не могла она особенно отличаться от одежды нашего русского крестьянина, так как одни и те же причины обуславливали ее состав и даже покрой». Разница могла проявиться «в любимом цвете, в прикрасах, но как ни национальничай, а тулуп и притом, как наиболее подходящий по стоимости своей и по теплоте, овчинный наденешь» [16, с. 276].

Сочетание множества факторов конфессионального, лингвистического, архитектурного и т.д. характера формировало особую, неповторимую культуру

северных народов. Европейский Север России, где на протяжении многих веков осуществлялся интенсивный контакт этносов, принадлежавших к разным языковым семьям, стал уникальной территорией конструктивных межэтнических, кросс-культурных, межкультурных взаимодействий и формирования регионообразующего межэтнического согласия, региональных и локальных самоидентификаций. Иные варианты неизбежно заводили в тупик: «Парадигма конфронтационности, хотя и трансформируется в некие иммунные заслоны на пути возможной ассимиляции и тем самым способствует сохранению этничности, но вместе с тем лишает народ потенциала социокультурного развития» [10, с. 60]. Начавшаяся в XIX в. государственная политика русификации дополнила стихийный процесс обрусения, начавшийся гораздо раньше, придав ему более организованный характер. Важные изменения в повседневной народной жизни «происходили внепланово, главным образом в результате побочных следствий имперских модернизаций» [5, с. 75].

Список литературы:

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI-XX века. М.: Наука, 2004. 599 с.
2. Бернштам Т.А. Русско-карельско-саамские этнокультурные связи. К проблеме формирования поморов. // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1974-1976. Л., 1977. С. 60-62.
3. Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX в. (по материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1983. С. 154-163.
4. Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1947. 52 с.
5. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.

6. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 126-127.

7. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. 560 с.

8. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 216 с.

9. Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 235 с.

10. Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. 178 с.

11. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.

12. Клементьев Е.И., Рягоев В.Д. Некоторые особенности этнокультурного развития карельского народа (до начала XX в.) // Этнография Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1976. С. 45-103.

13. Конкка У.С. Карельская сатирическая сказка. М.–Л.: Наука, 1965. 150 с.

14. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 3-47.

15. Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский Дом, 1997. 391 с.

16. Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. 318 с.

17. Орфинский В.П. Часовни в традиционной культуре карел // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2004. С. 105-113.

18. Очерки истории Карелии. Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1957. Т. 1. 430 с.

19. Панарин А. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI в. М.: Издательская корпорация «Логос», 2005. 392 с.

20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1899. Вып. 1, тетр. 1, 2.

21. Русский Север: Этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2004. 848 с.
22. Сало И.В. Из истории взаимодействия вепсов, карел и русских карельского Беломорья // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. С. 23-56.
23. Сарв Х. Финно-угры в России в ходе столетий // Финно-угорские народы и Россия: Сб. материалов межд. конф. Таллинн, 1994. С. 39.
24. Сенькина Т.И. «Фольклорная память» и межнациональные отношения русских и карел // Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1989. С. 31-32.
25. Сурхаско Ю.Ю. О русско-карельском этнокультурном взаимодействии (по материалам свадебной обрядности конца XIX – начала XX в.) // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981. С. 260–271.
26. Трепавлов В.В. «Большой хозяин». Русский царь в представлениях народов России XV–XVIII в. // Отечественная история. 2005. № 3. С. 124-138.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.